

Глаза Хуа Цяньгу были похожи на звезды, зажженные в ночном небе, в них мгновенно засветилась жизнь.

- Что это за способ?

Дунфан Юйцин глубоко вздохнул, как будто принял какое-то решение:

- Камень Ньюва.

Хуа Цяньгу знала, что целительная сила камня Ньювы не имела себе равных в мире, и он обладал магическим эффектом воскрешения и регенерации. Она ошеломленно уставилась на него, как будто не понимая:

- Но Камень Ньюва был потерян уже давно. Я слышала, что он был сломан.

- Древние божественные орудия запечатаны огромной демонической силой Темного Божества. Если бы их можно было уничтожить, бессмертные уже давным-давно избавились от них. Камень Ньюва разбросан лишь в виде фрагментов, но он все еще существует во всех уголках мира.

Хуа Цяньгу была в восторге и взяла его за руку:

- Это здорово, учитель наконец-то будет спасен.

Дунфан Юйцин покачал головой и сильно нахмурился:

- Ты хочешь вернуть камень, который был разбит на десятки тысяч кусочков? Прежде чем ты сможешь найти десятую часть, твой учитель уже скончается.

Наконец, появился маленький огонек надежды, и он погас в одно мгновение.

- Должен же быть какой-то способ, верно?

Дунфан Юйцин избегал пылкого взгляда Хуа Цяньгу:

- Существует удивительная связь между десятью артефактами. Если ты найдешь несколько из них, местонахождение остальных можно будет определить с помощью различных методов. Если удастся найти все девять божественных орудий одновременно, камень Ньюва полностью вернет свою форму.

Хуа Цяньгу кивнула:

- Вот почему Чуньцуй Бубай и другие бросились собирать божественные орудия один за другим, верно?

Дунфан Юйцин тихо вздохнул:

- Итак, ты понимаешь, почему я беспокоюсь?

- Ты беспокоишься, что я настою на поиске этих девяти артефактов, а затем использую камень Ньюва для того, чтобы обезвредить яд в теле Шифу. Хотя цель иная, по сути, она та же, что и у Чуньцуй Бубая и других. Поскольку собирать все божественные орудия вместе очень опасно, если вы не будете осторожны, печать может быть снята и Темное Божество возродится.

По выражению ее глаз Дунфан Юйцин понял, что она настроена решительно, и выпрямился, чтобы позволить ей взглянуть на себя.

- Ты должна знать, что твой учитель всегда ставил простых людей мира на первое место. Даже если его бессмертное тело будет уничтожено, он никогда не позволит тебе собрать божественные орудия и дать Темному Божеству шанс возродиться.

- Поэтому ты не должен сообщать ему об этом, - взгляд Хуа Цяньгу выглядел рациональным и решительным, что было несоизмеримо с ее внешностью. Зная, что от яда Шифу есть лечение, ее сердце, которое так долго было взволнованным и отчаявшимся, внезапно успокоилось, как будто под воздействием волшебной иглы, повелевающей морем [1].

[1] одно из названий волшебного посоха Сунь Укуна, Царя Обезьян из романа "Путешествие на Запад"; мощное оружие; стабилизирующая сила.

- Я сделаю все возможное, чтобы защитить божественные орудия от возрождения Темного Божества.

- Но несколько артефактов находятся в руках демонов и бессмертных, а также во внутреннем хранилище твоего учителя. Ты думаешь, у тебя есть способ получить их все?

- Должен же быть какой-то способ! - Речь идет о жизни учителя, значит, она всё равно это получит!

Дунфан Юйцин снова вздохнул:

- На самом деле, я знаю, даже если я скажу тебе, что пока божественные орудия будут собраны, Темное Божество возродится, а мир будет потерян, чтобы спасти Бай Цзы Хуа, ты всё равно это сделаешь, верно?

Хуа Цяньгу непонимающе покачала головой:

- Я не знаю, может быть. Но я подумаю об этом.

- Что ты собираешься делать? В конце концов, я всего лишь смертный, и я могу помочь тебе с ограниченными ресурсами. А если ты заключишь сделку с Храмом Истлевших Чудес, то цена будет слишком высока и оно того не стоит.

- Ты не можешь быть замешан. Это дело огромной важности. Если оно будет обнаружено Царством Бессмертных, это определенно будет тяжким преступлением.

Увидев обеспокоенное лицо Дунфан Юйцина, Хуа Цяньгу тут же улыбнулась:

- Не волнуйся, я найду выход. Разве я не выжила на горе Тайбай? Ты должен верить в мои силы. Я уже взрослая! - С того момента, как тайна была раскрыта, она больше не могла быть просто ребенком.

Дунфан Юйцин слегка кивнул и протянул руку, чтобы обнять ее. Какой трудный и опасный путь она пройдет в одиночку в будущем, и всё это вызвано им. В конце концов, Дунфан Юйцин был лишь гостем. Он прибыл сюда только для того, чтобы сопроводить Танбао, и покинул гору Чанлю на следующий день. Провожая его, Хуа Цяньгу почему-то показалось, что с этих пор его судьба будет злополучной, и встретиться снова будет не так-то просто.

Бай Цзы Хуа покинул уединение несколько дней спустя и, увидев Хуа Цяньгу, выглядел так, будто в тот день ничего не произошло. Или он в тот момент настолько обезумел, что ничего не помнит? Хуа Цяньгу была слегка благодарна в своем сердце, но в то же время немного растеряна. Всё было по-прежнему, но после произошедшего на Собрании Священных Мечей они оба сильно отделились друг от друга. Яд всё сильнее воздействовал на Бай Цзы Хуа, и он становился все более и более непредсказуемым. Он знал, что Хуа Цяньгу была упрямым человеком и не скажет ему, почему хотела убить Ни Мань Тянь, поэтому он больше не спрашивал ее. Но он начал размышлять о том, достаточно ли хорошо обучил Хуа Цяньгу за эти годы. Как говорится: «У строгих учителей выдающиеся ученики, а любящая мать теряет много детей». Он скоро умрет и может только сделать всё возможное, чтобы хорошо дисциплинировать ее и не позволить ей пойти по пути зла из-за сиюминутного изменения в ее разуме. В результате, когда Бай Цзы Хуа видел Хуа Цяньгу, он всегда был суровым и холодным.

Хотя и в прошлом его отношение не отличалось теплотой, оно сильно отличалось от нынешнего чувства полного отторжения. Хуа Цяньгу больше не могла следовать за ним каждый день, как тогда, когда они вдвоем гуляли по миру, не говоря уже о том, чтобы вести себя по-дружески или капризничать. Постепенно она стала молчаливой. Она редко говорила лишние вещи при нем, не говоря уже о смехе, и ее отношение всегда было почтительным и подобострастным, как к старшему наставнику. Просто каждый раз, когда она стояла перед ним, ей казалось, что её шея горит огнём.

О чем Хуа Цяньгу думала каждый день, так это о том, как добыть божественные орудия и нейтрализовать яд Шифу. Поэтому она часто отвлекалась перед Циншуй и остальными, выглядя озабоченной. Бай Цзы Хуа больше никогда не ел с ней за одним столом, но каждый день принимал много лекарств. Хуа Цяньгу по-прежнему готовила целый стол блюд, как и раньше, ароматных и сладких, мясных и вегетарианских, но на вкус они все были такими, будто жуёшь воск [2].

[2] обр. в знач.: безвкусный, пресный; однообразный.

На сердце у нее было тяжело, но у нее не было времени думать или беспокоиться об этих вещах. Неважно, как Шифу обращается с ней, ей все равно. Самое главное сейчас - вывести токсины из тела наставника. Она откусила большой кусок рисового шарика и отчаянно заставила себя съесть много продуктов и лекарств, восстанавливающих кровь.

Ядовитые атаки Бай Цзы Хуа становились все более и более частыми, но пока он был в сознании, он все равно отказывался пить ее кровь. Но как только он терял контроль, он больше не мог сдерживаться. Даже посреди ночи он мог прийти на запах ее крови, подойти к ее кровати и укусить за шею, пока она все еще спит, пробуждая ее ото сна.

Ощущение высасываемой из тела крови было очень странным, с болью и сладостью одновременно. Она чувствовала горячее и влажное дыхание Шифу у своего уха, его губы и зубы блуждали по её шее, и она ничего не могла сделать, кроме как бесшумно дышать. Только в это время она была ближе всего к Бай Цзы Хуа, и она даже могла чувствовать холод его тела. Она хотела согреть его, но не осмелилась прервать этот момент, просто чопорно позволяя ему высосать кровь. Когда проходило время, за которое сгорает одна ароматическая палочка, она воздействовала на его акупунктурные точки, чтобы заставить его потерять сознание, а затем отправляла его обратно в комнату. Она должна быть здоровой и полной сил, так у нее будет достаточно крови, чтобы помочь Шифу продержаться дольше и дать ей достаточно времени, чтобы добыть все божественные орудия.

Благодаря базе данных Танбао, после месяца сбора данных, организации и планирования она в основном завершила подготовку и была готова начать действовать через несколько дней. Если артефакт пропадёт, всё Царство Бессмертных обязательно заметит это и будет настороже, поэтому она должна поразить их одним ударом и получить все божественные орудия за раз.

В это время на горе Чанлю начали готовиться к фестивалю Муцзянь [3]. Фестиваль Муцзянь, как следует из названия, представлял собой церемонию жертвоприношения мечом, проводимую раз в два года на горе Чанлю. Все ученики, следуя ритуалу, обмывают свои мечи в воде пруда Саньшэн, очищая от грязи, чтобы меч был таким же свободным от грязи, как человеческое тело, и более духовным. Хотя этот фестиваль не такой масштабный, как Собрание Священных Мечей, он более грандиозный и оживленный, чем кажется на самом деле, поскольку после церемонии проводились различные мероприятия - соревнования, конкурсы, игры, целью которых являлось лишь развлечение, поэтому никогда не было драк или убийств. Ночью на берегу моря зажигали много костров, а в небо пускали разноцветные фонари. Проводились различные программы и представления, повсюду слышался смех и хохот, люди танцевали и пели.

[3] 洗 (mù) – мыть, купаться, обливаться; 剑 (jiàn) – меч (также родовое слово для обоюдоострого холодного оружия).

Соревновательные программы включали королевскую стрельбу из лука с мечом, где было необходимо балансировать на летающем мече, а затем натянуть лук, чтобы сбивать один звездообразный шар света за другим. Чем больше шаров вы собьете, тем больше наград получите. Ученик, владеющий искусством стрельбы из лука, может заставить каждую выпущенную им стрелу парить в воздухе, проходя сквозь шар света с тетивой стрел, похожих на сахарную тыкву.

Были также такие игры, как цуцзюй [4] в воздухе, охота за сокровищами и ловля рыбы на дне моря, а также ответы на вопросы старых ученых, таких как Тао Вэн. Некоторые игры были скучными, некоторые – довольно интересными, но они позволяли всем, кто отчаянно практикует заклинания, иметь возможность отдохнуть и расслабиться, стать ближе к животным и природе и как можно скорее приблизиться к так называемому единству небес и человека.

[4] цуцзюй - древняя китайская игра с мячом, один из предшественников футбола.

Лицо Бай Цзы Хуа было таким бледным, что это было ненормально, и оно становилось все больше и больше похожим на ледяную скульптуру. Его состояние было трудно скрыть без заклинаний, поэтому во время фестиваля он ни разу не появился на людях.

Хуа Цяньгу тоже не хотела идти. Она хотела остаться в Чертоге Безучастия, чтобы сопровождать его, но не могла вынести истерики Тан Бао и отказаться от приглашения Циншуй, поэтому ей пришлось пойти с ними.

Неожиданно, как только они вдвоем спустились в зал Чанлю, они встретили Ни Мань Тянь. Хуа Цяньгу так долго изо всех сил старалась избегать ее, потому что учитель неправильно понял ее, и она не могла больше конфликтовать с ней.

Ни Мань Тянь, увидев ее, позеленела от злости.

- Хуа Цяньгу, ты... ты... ты... – она хотела упомянуть Дунфан Юйцина и тот инцидент, но она не могла этого сказать, её язык совершенно не слушался.

- Я, я, я... Что я? - Хуа Цяньгу посмотрела на нее с некоторым удивлением.

Ни Мань Тянь сердито топнула ногой:

- Ты победила! Но запомни, Хуа Цяньгу, однажды я верну тебе это сторицей!

Хуа Цяньгу грозно посмотрела ей вслед и тихо вздохнула. Их вражда, кажется, становится все

глубже и глубже.

Шуо Фэн парил в воздухе, и прозрачный фонарь постукивал по его пальцам ног, а его слегка растрепанные волосы беспорядочно развевались в ночном небе. Он закрыл лицо черным платком, оставив открытыми лишь пару непроницаемых глаз.

Он спокойно посмотрел вниз на Хуа Цяньгу с высоты. Он не очень хороший собеседник, и то, что он говорит, обычно нелегко расслышать, поэтому он привык молча наблюдать за ней на протяжении многих лет. Даже когда все вместе выпивали, он просто тихо сидел в углу, продолжая держаться на расстоянии. Быть одновременно недалеко и в то же время близко вполне его устраивало.

Просто в этот раз, когда она вернулась на гору Чанлю, она явно сильно отличалась от прежней. Казалось, она всё время избегала встреч, и время от времени впадала в странное оцепенение.

Он не понимал, в чём дело. В этом мире слишком много вещей, которых он не понимал, поэтому он упорно трудился, чтобы научиться наблюдать. Раньше он всегда чувствовал, что Хуа Цяньгу подобна кристаллу, настолько прозрачному, что даже он мог видеть сквозь него с первого взгляда. Но теперь этот кристалл покрыт тонким слоем меланхоличного тумана, так что он не мог ясно видеть сквозь него.

- Танбао, пойдем спустимся на дно моря, чтобы посмотреть шоу? - Ло Ши И невинно улыбнулся.

- Э-э... - Танбао повернула голову, чтобы посмотреть на бледную Хуа Цяньгу. Она хотела провести больше времени с Гу Тоу, но за эти дни та в край обессилела.

Хуа Цяньгу хотела что-то сказать, но, в конце концов, проглотила свои слова, затем улыбнулась и помахала Танбао:

- Иди, развлекайся, я немного устала. Но возвращайся пораньше.

Глядя на далекую спину Ло Ши И, Хуа Цяньгу слегка нахмурилась. Такой же нежный и элегантный, Ло Ши И был подобен куску полированного нефрита, скользкому и гладкому. Он отличался от мягкого и добродушного Юнь Иня, хитрого и коварного Дунфан Юйцина и ленивого Шэнь Сяо Мо. Он всегда очень тщательно скрывал свой острый ум и индивидуальность. Хуа Цяньгу оставалось только гадать, делал ли он так из боязни причинить боль другим или чтобы защитить себя.

За исключением того, что он показывал себя совершенно с другой стороны перед Танбао, он вёл себя зрело и сдержанно перед кем угодно, и он человек, на которого люди могли с

уверенностью положиться. Он делал всё безупречно, и даже старший наставник доверял ему безоговорочно, поручая ему большие и малые дела в течение длительного времени. Естественно, что такому человеку, как Ни Мань Тянь, он нравился, но Хуа Цяньгу немного волновалась.

Циншуй таскала ее за собой, время от времени упоминая Сюань Юаньлана, который был очень обеспокоен недавним состоянием Хуа Цяньгу. Затем она спросила ее, что он за человек. Но, в конце концов, Хуа Цяньгу не так много общалась с ним, и она не могла ответить на большинство вопросов Циншуй.

Например, на вопросы что нравится Сюань Юаньлану, что он обычно любит делать, что он любит есть, Хуа Цяньгу только сказала, что тот очень милый.

Хуа Цяньгу позавидовала нескрываемо счастливой улыбке Циншуй, когда она упомянула Сюань Юаньлана. Ее подруге в отличие от нее не было нужды глубоко хоронить эти чувства.

Повсюду слышался смех, и ученики, которые обычно тренировались слишком усердно и подавляли себя слишком долго, веселились на полную катушку. Хуа Цяньгу почувствовала жужжание в голове, и у нее закружилась голова от шума, поэтому она сказала Циншуй гулять без нее. Зная, что ее серьезная рана еще не зажила, Циншуй со спокойной душой отпустила её отдыхать.

Меч Хуа Цяньгу вылетел с горы Чанлю и остановился над морем. Поскольку сегодня праздник, ученики могли свободно приходить и уходить более чем на сто миль от горы Чанлю.

Хуа Цяньгу почувствовала ноющую боль в груди, и ее тело рухнуло без всякой причины. Она намеренно надела платье с высоким воротом, чтобы скрыть следы зубов, которые обрамляли её шею. Сейчас она не могла использовать даже низкоуровневые заклинания исцеления – потеря крови исчерпала ее внутреннюю силу и энергию.

Каждый раз, когда Шифу пил ее кровь, она чувствовала себя очень расстроенной, и тогда ее решимость собрать божественные орудия становилась всё сильнее. Она не хотела, чтобы Шифу стал таким, как сейчас. Пока она может обезвредить его яд, даже если она умрёт, она сделает всё, что потребуется.

Полная луна отражалась в море, и она ступала по воде плавно, будто шла по ровной земле, залитая лунным светом.

Внезапно с неба, словно упавший лист, спланировал цветной фонарь. Хуа Цяньгу протянула руку, чтобы поймать его. Когда она подняла глаза, перед ней стоял Шуо Фэн. Заметив ее печаль и хрупкость, он не мог не чувствовать себя немного смущенным.

- Почему ты здесь? Разве ты не пошёл играть со всеми?

Шуо Фэн не ответил и вынул из-за пазухи похожее на ночную жемчужину существо, круглое и блестящее. Внизу у него были две прозрачные плавательные перепонки, а его большие черные глаза быстро вращались.

<http://tl.rulate.ru/book/26661/2427651>